ISSN 1814 - 6961

ОТАН ТАРИХЫ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

**Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2019, № 2 (86)**

2/2019

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИИ REPRESSION HISTORY

МРНТИ 03.20.00

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ РАЗРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 30-60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Калыбекова Манара¹, Кудайбергенова Айжамал², Ильясова Зибугул³
¹к.и.н., Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, Казахстан. E-mail: K.manara@mail.ru

²доктор исторических наук, доцент. Институт истории и этнологии им.
Ч.Ч. Валиханова, Казахстан, г.Алматы. E-mail: akudaybergen@mail.ru

³к.и.н., и.о.профессор, Евразийский национальный университет имени
Л.Н. Гумилев, Нур-Султан, Казахстан. E-mail: zita.08@mail.ru

Аннотация. В исторической литературе последних десятилетий исследованию истории депортации в СССР посвящено немало работ. Изучение массовых репрессий в настоящее время окончательно перешло из разряда популярных тем в разряд научных фундаментальных исследований. Однако существует ряд вопросов, которые не нашли отражения в научной литературе по причине недоступности архивных материалов, первичных документов, на основании которых предпринималось выселение. Одним из таких вопросов являются проблемы разрушения национальной идентичности в 1930-1950-е годы спецпереселенцев. Изучение истории депортированных народов Казахстана важно не только с точки зрения самопознания этими народами своего прошлого, но это важно и для исследования огромной по своему размаху и последствиям, страницы истории Казахстана, какой является переселенческое движение, объектом которого был Казахстан. Результаты исследования этой темы возможность по-новому методологически и теоретически переосмыслить, и дать оценку событий исследуемого периода.

Ключевые слова: депортация, Казахстан, идентичность, наказание, трудовая армия, мобилизация, сталинизм, демографические процессы, полиэтничное государство, реабилитация

ГТАХР 03.20.00

ДЕПОРТАЦИЯ ЛАНҒАН ХАЛЫҚТАРҒА ҚСРО-НЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТЫ: XX ҒАСЫРДЫҢ 30-60 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІ ЖОЮ МӘСЕЛЕСІ

Калыбекова Манара¹, Құдайбергенова Айжамал², Ильясова Зибугул³
¹т. ғ. к., Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті.

Алматы қ., Қазақстан. E-mail: K.manara@mail.ru

²т. ғ. д., доцент, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: akudaybergen@mail.ru

³т.ғ.к., профессор м.а. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан. E-mail: zita.08@mail.ru

Түйіндеме. Тоталитарлық жүйе Қазақстанды КСРО-ның әртүрлі өңірлерінен жүздеген мың адам жер аударылған алып резервацияға айналдырды. Сондықтан халықтардың жер аударылу тарихын және ұлттық бірігейлікті жоюға бағытталған саясатты жекеше алғанда да, сондай-ақ кешенді түрде де зерттеу өзекті мәселе болып табылады. Сонымен қатар бұл тақырыпты зерттеу нәтижелері бүкіл республикамыздағы тарихи үдерістердің жалпы бейнесін, сондай-ақ жер аударылған халықтардың қоғамдық-саяси, экономикалық және мәдени өмірінің тарихын нақтылауға мүмкіндік береді. Бұл проблеманы объективті зерттеу қазақстандық қоғамды шоғырландыруға және жалпыұлттық бірлік негізін нығайтуға жәрдемдеседі деп санаймыз. Қазақстан Республикасы – қазіргі кезде бүкіл әлеуметтік-экономикалық құрылымын реформалаудың шешуші кезеңін бастан өткізіп отырған көпэтносты және көпконфессиялы мемлекет. Сондықтан этносаралық келісімді сақтау, қоғамда өзара түсіністік ахуалын қалыптастыру – саяси тұрақтылықтың маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. Көпэтносты және көпмәдениетті Қазақстан бірлік пен келісімді еліміздің ырғақты дамуының, жеделдетілген жүйелі жаңғыруының мүмкіндіктерін байытатын қажетті құндылық ретінде қарастырады. Қазақстан көптеген этностардың татулығы мен ынтымақтастығын сақтап қалды және сақтап келеді.

Кілт сөздер: жер аудару, Қазақстан, бірігейлік, жазалау, еңбек армиясы, жұмылдыру, сталинизм, демографиялық үдерістер, көпэтносты мемлекет, реабилитация

IRSTI 03.20.00

GOVERNMENT POLICY OF THE USSR WITH REGARD TO DEPORTED PEOPLE'S: PROBLEMS OF DESTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN THE 30-60S OF THE XX CENTURY

Kalybekova Manara¹, Kudaibergenova Ayzhamal², Zibagul Ilyassova³

¹Candidate of Historical science, Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan. E-mail: K.manara@mail.ru

²Chief Researcher at the Ch.Ch.Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Doctor of Historical Sciences.
Kazakhstan, Almaty, E-mail: akudaybergen@mail.ru

³Assoc. Prof. Dr., L.N.Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan,
Kazakhstan. E-mail: zita.08@mail.ru

Abstract. In the historical literature of recent decades, a lot of research has been devoted to the study of the history of deportation in the USSR. The study of mass repressions has now finally passed from the category of popular topics to the category of scientific fundamental research. However, there are a number of issues that have not been reflected in the scientific literature due to the inaccessibility of archival materials, the primary documents on the basis of which the eviction was made. One of these problems is the destruction of the national identity of the displaced peoples in the 1930s-1950s. The study of the history of the deported peoples of Kazakhstan is important not only from the point of view of self-knowledge of these peoples of their past, but it is also important for the study of the huge page in the history of Kazakhstan, which is the resettlement movement, the object of which was Kazakhstan. The results of the study of this topic are an opportunity to rethink methodologically and theoretically and to assess the events of the period under investigation.

Keywords: Deportation, identity, punishment, labour army, mobilization, Stalinism, demographic processes, multinational state, rehabilitation

Введение. В современных условиях проблема сохранения национальной идентичности, на фоне политической и экономической глобализации, создания новых транснациональных образований как внутри, так и между государствами, возрастания массовых миграции по всему миру, приобретает особую актуальность. В частности это касается всех современных многонациональных государств, в том числе и Казахстан.

В настоящее время народы Казахстана, как и всего постсоветского пространства, переживают духовное пробуждение и возврат к традиционным истокам. Важно, что процессы поиска национальной идентичности являются всеобщей исторической и социокультурной тенденцией современного мира.

При формировании этнической идентичности в советский период этот процесс имел более сложную форму, так как все усилия государства были направлены на формирование «советского гражданина», для которого принадлежность к советскому государству иерархически стояла выше принадлежности к определенной этнической группе. В результате «семья», которая транслировала культурные традиции народа и «государство» часто вступали в острые противоречия по отношению к религии (религиозность и атеизм), культуры (национальная и советская).

Материалы и методы. Источниковедческая база исследования представляет собой комплекс архивных документов и материалов. В ходе подготовки научной публикации были использованы документы фонда Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) № 1109 – Президиума Верховного Совета КазССР, фонд № 16 архива Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан (материалы НКВД, МВД), фонды № 1 партийный – Карагандинский обком Коммунистической партии Казахстана и № 18 – Карагандинский областной исполнительный комитет депутатов трудящихся Государственного Архива Карагандинской области (ГАКО), а также архивные документы и материалы Архива Карлага Д. 20 и Д. 391 - Карагандинский ИТЛ, Спецотдел СССР.

В ходе исследования проблемы использовались принципы историзма, научной объективности, целостности. Следуя принципу историзма как универсальному методу исторического познания, материалы изложены в хронологической последовательности, сопоставлены отдельные периоды жизни депортированных народов на территории Казахстана в тесной связи с политикой, осуществляемой государством по отношению к ним. Объективный критерий изучения этой проблемы заложен в исторических фактах и исторических источниках. Объективность достигалась привлечением широкого круга архивных документов. В работе применялись конкретно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования, а также использованы статистический и описательный методы, позволяющие последовательно раскрыть сущность изучаемых вопросов.

Обсуждение. Одним из первых попытку исследования истории депортированных в СССР народов предпринял А.М. Некрич (Некрич, 1993:225). Вклад в изучение данной проблемы внес и В.Н. Земсков (Земсков, 1994:156). Богатый архивный материал о депортации народов в 30-40-е годы содержится также в работах Н.Ф. Бугая (Бугай, 1995), на сегодня исследованием повседневной жизни спецпереселенцев регионального характера занимается

Е.Н. Бадмаева (Бадмаева, 2018) и др.

Из казахстанских ученых в этой актуальной проблематике работал академик М.К. Козыбаев (Козыбаев, 1990:135). Внимание исследователей привлекают и отдельные аспекты истории депортации народов. Так, Д.А. Шаймуханов и С.Д. Шаймуханова (Шаймуханов, 1997:360) рассматривают вопросы использования принудительного труда спецпереселенцев в Центральном Казахстане, Ж.Б. Абылхожин (Абылхожин, 1997:360) – «лагерную экономику» в целом, К.С. Алдажуманов (Алдажуманов, 1997:16) дает оценку депортации «как преступления тоталитарного режима», М.Х. Асылбеков и А.Б. Галиев (Асылбеков, Галиев, 1991:185) - демографический аспект, М.Т. Баймаханов (материалы семинара от 12 июня 1997 г.) - юридический аспект проблемы.

Результаты. Советский менталитет, обусловленный, главным образом, коммунистической идеологией, материалистической философией и научным атеизмом, во многом вызвал потерю этносами своей национально-духовной идентичности и роли в системе межэтнического взаимодействия в историческом пространстве. Особенно болезненными эти процессы стали для небольших этносов, поскольку существенно ускорили их ассимиляцию. По отношению к некоторым из них проводилась целенаправленная политика разрушения. Весьма примечательна в этом плане судьба депортированных народов в СССР, в том числе и в Казахстан. Хотя внешне и отличались мотивы насильственного выселения народов со своих исторических земель, по сути, они носили одинаковый характер. В основе депортации целых народов, предпринятой сталинским руководством, лежали причины политического характера и необходимостью укрепления так называемой лагерной экономики. Так, например, официальная формулировка причины депортации корейцев – «пресечение проникновения японского шпионажа в край». Наряду с такой формулировкой причины следует выделить более масштабную причину. Суть ее состоит в том, что советские корейцы стали заложниками дальневосточной политики СССР в целом. Как известно, в июле 1937 года Япония начала вооруженное вторжение во внутренний Китай, к концу месяца был занят Пекин. Под угрозой внешнего вторжения уже весной 1937 г. основные политические силы Китая – компартия и гоминдан – достигли соглашения о прекращении гражданской войны и создании единого фронта для отпора японским захватчикам. В поддержке воюющих сторон проявилась поляризация глобальных политических сил в том биполярном мире. В ее основе лежала идеологическая конфронтация. Западные державы не принимали активных мер по прекращению этой войны. В сложившейся ситуации гоминдановское правительство не без влияния компартии Китая пошло на сближение с Советским Союзом. По инициативе СССР 21 августа 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении. Заключение договора о ненападении с одной из воюющих сторон, как в данном случае, означает, по сути дела, союзнические отношения, т.е. СССР и Китай стали фактически союзниками в войне с Японией. Советский Союз очень дорожил этими отношениями, тем более что он ощущал свою изоляцию перед лицом надвигающейся Второй мировой войны. СССР оказывал Китаю экономическую и военную помощь. Таким образом, 21 августа 1937 г. были подписаны два документа: советско-китайский договор о ненападении и постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о выселении корейского населения из приграничных районов Дальневосточного края. Это были две стороны одной медали. Депортацию корейцев под предлогом «пресечения проникновения японского шпионажа» следует рассматривать как один из моментов

«большой политики», как демонстрацию Советским Союзом твердости своих союзнических отношений с Китаем, своих отношений с Японией, своих позиций в дальневосточной политике (Кан, 1995:208).

Так готовилась почва для депортации корейцев, ознаменовавшей собой новый виток репрессивной политики тоталитарного режима, в основу которой был положен принцип коллективной ответственности этнической группы за принадлежность к ней.

В предвоенные годы в результате все более усиливающегося идеологического противостояния и поиска внутренних «врагов» было выражено также недоверие национальным меньшинствам, населявшим приграничные районы СССР с Турцией, Ираном и т.д. Проживавшие в приграничных районах Азербайджана, Армении и Грузии народы попали в разряд «неблагонадежных», так как многие из них имели родственников за границей. Считалось, что этнически они близки к народам сопредельных стран, что вызвало в условиях изоляции от внешнего мира и надвигающейся угрозы войны все большее беспокойство со стороны Советского государства.

В условиях обострения международной обстановки и реальной опасности войны национальная политика Советского государства приобретала все более репрессивный характер. Тайные переговоры СССР с Германией в 1939-1940 годах и соглашения, известные ныне под названием «Пакт Молотова-Риббентропа», привели к тому, что СССР присоединил к себе страны Прибалтики, Западную Украину, Западную Белоруссию и Бессарабию. Вскоре началась ударная кампания по советизации и коллективизации этих регионов, и по отработанной системой еще в 20–30-х годах схеме в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан были выселены так называемые «кулаки», а также все неугодные режиму представители данных народов. Вместе с коренными жителями на территории Западной Украины и Западной Белоруссии проживало значительное число представителей польской национальности, как местных, так и эмигрированных сюда в 1939-1940 годах, в результате вторжения гитлеровских войск в Польшу. Поляки стали одной из многочисленных групп, которые были переселены исходя из национальной, а не классовой принадлежности.

Увязывают депортацию немцев с фактами массовых диверсий и шпионажа, которые якобы по сигналу из Германии должны были состояться в районах, заселенных немцами Поволжья. Однако в архивах не выявлено документов, свидетельствующих о «сообщениях военных властей и других сигналах о наличии в районах Поволжья тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов», готовых по команде из Германии превратить немецкое население АССР в «пятую колонию» в тылу Красной Армии (Кичихин, 1990). Здесь надо отметить и то, что немецкое население одновременно выселялось из всех районов европейской части страны, которые еще не были заняты противниками. А ликвидация АССР Немцев Поволжья также была противозаконной. Однако соблюдение таких «тонкостей» не было присуще И.Сталину и его окружению. Это особенно ярко проявилось в последующие годы, когда акты террора разыгрывались в отношении других народов, населяющих Закавказье и другие регионы страны.

Военные действия, развернувшиеся на огромных просторах советско-германского фронта, летом 1942 года вновь оказались неудачными для советских войск. С большими потерями части и соединения Западного, Юго-Западного и Южного фронтов отступали на восток, оставляя врагу огромную территорию от Харькова до Сталинграда. К осени 1942 года враг

вплотную подошел к берегам Волги и отрогам Большого Кавказского хребта. Под оккупацией захватчиков оказались частично Чечено-Ингушетия, а также территория, на которой проживали карачаевцы, балкарцы, калмыки.

После разгрома гитлеровцев под Сталинградом и Курском началось наступление советских войск, в ходе которого была освобождена значительная территория, оккупированная врагом. В 1943-1944 гг. на освобожденной территории одновременно с восстановительными работами начались изолирование и розыск предателей и пособников врага. Гитлеровцы при отступлении оставляли за собой разветвленную шпионскую сеть и диверсионные группы. В ходе операции по очищению освобожденной территории войсковыми отрядами и НКВД изымались большое количество автоматов и пулеметов, а также артиллерийские орудия и минометы. Однако руководители органов НКВД искали в поведении не только отдельных людей и групп населения, но и целых народов признаки преступлений, способствовавших врагу. Так родилась на свет версия о виновности отдельных народов, благосклонно относившихся к врагу в период оккупации их территории. Таким образом, под предлогом обеспечения безопасности воюющей страны был найден надуманный предлог для их депортации.

Сегодня бесосновательность этих акций несомненна. В целом население ликвидированных автономных республик относилось к Советской власти лояльно, и не было таких причин, которые давали возможность усомниться в их верности Родине. Если же и были отдельные люди, служившим фашистам, это не должно было стать основанием для обвинения и преследования всего народа. Такие лица были на территории всех республик и областей, оккупированных в период войны германской армией. Но законность и правовые нормы не брались в расчет.

Вместе с тем продолжались и крупные акции по выселению отдельных народностей и национальных кругов в руководстве страны и регионов. Несомненно, что это, в первую очередь, исходило от самого И. Сталина и его окружения, которые в ходе депортации населения (карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши) из Северного Кавказа решили заодно очистить и некоторые регионы страны от присутствия «нежелательных элементов». Речь идет о Крыме, а также районах Грузии, населенных турками. В данном случае выселение крымско-татарского населения, а заодно очищение этих земель от болгар, караимов, греков, армян и других представителей национальных меньшинств давало возможность придать населению Крыма мононациональный характер. Так, крымско-татарское население было обвинено в активном сочувствии и сотрудничестве с оккупантами. Вплоть до распада СССР это обвинение не было снято с него, и когда восстанавливались ранее ликвидированные автономные области и республики, и их народам давалось право возвращения на Родину в 1957 году, то крымским татарам, туркам и немцам не было предоставлено такой возможности. Даже после реабилитации они не имели права свободно поселиться в родных местах.

В 1956 году Президиум Верховного Совета СССР своим Указом формально реабилитировал крымско-татарский народ. Однако подлинной реабилитации не произошло, ссылка была отменена, но крымским татарам запрещалось возвращаться в Крым. Спустя 23 года с момента депортации в 1967 году Верховный Совет СССР полностью снял огульное обвинение, но и это решение государства носило чисто декларативный характер. Попытки отдельных групп крымских татар вернуться на свою историческую родину наталкивались на противодействие местных властей. Только благодаря

постоянной, упорной борьбе крымско-татарского народа, Верховный Совет СССР 14 ноября 1989 года принял «Декларацию о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав», которая положила начало массовому возвращению крымских татар в Крым.

И только в целях восстановления исторической справедливости, устранения последствий незаконной депортации с территории Крымской АССР армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и допущенных нарушений их прав был издан Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. N 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Данный Указ содержал присвоение крымским татарам, оказавшимся в депортации статуса реабилитированных, что по законодательству Российской Федерации означает разнообразные выплаты и льготы лицу в таком статусе. Следует правда учесть, что на льготы имеют право дети реабилитированных крымских татар, только если были с родителями вместе в ссылке. Это вызывает довольно сложный юридический процесс доказательства данного факта. Вторая часть Указа направлена на национально-культурное и духовное возрождение армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов.

Такая же участь постигла и турок, населявших южные и юго-западные районы Грузии. Надо отметить, что в период Великой Отечественной войны территория Грузии вообще не подвергалась оккупации немцами. Значит, обвинить советских турок в пособничестве немцам власти уже не могли. Тем не менее, они были выселены по отработанной схеме. Также, помимо немцев в конце войны из территории Западной Украины подверглись переселению ОУНовцы (ОУН - Организация украинских националистов) и члены их семей, «указники» (по Указу от 2 июня 1948 года об ответственности за уклонение от общественно-полезного труда и аналогичному указу от 23 июня 1951 года). Депортации подверглись кабардинцы, прибалтийцы, калмыки и др. В целом, насильственное переселение народов продолжалось вплоть до конца 40-х годов.

Как известно, 9 декабря 1948 года была принята Международная конвенция «О предупреждении геноцида и наказании за него», ратифицированная всеми членами ООН. Согласно ей к разряду геноцида относятся действия, прямо или косвенно создающие для какой-либо группы людей такие условия, которые рассчитаны на полное или частичное ее уничтожение. В основе геноцида лежит принцип коллективной ответственности определенной общности, основой которой, в свою очередь, является общность происхождения ее членов. Репрессии, таким образом, распространяются не только на людей, персонально в чем-то виновных, но и на лиц, принадлежащих к одной с ними группе (Кан, 1995:47).

Таким образом, по А. Некричу «депортация народов во время Великой Отечественной войны рассматривалась государством как превентивная мера (немцы Поволжья, курды, турки, греки), как мера карательная (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары) и как мера военно-стратегического характера, имевшая целью создание более «надежного» слоя пограничного населения» (Некрич, 1993:225). Действительно, насильственные методы депортации народов нельзя оправдать никакими военными либо иными соображениями. Главным обвинением против депортированных народов было «поголовное сотрудничество с врагом». Но

такое утверждение было абсурдным, так как подавляющая часть мужского населения этих народов было мобилизована в ряды Красной Армии. Так, по архивным данным НКВД СССР, в итоге проведенных в Чечено-Ингушской республике трех мобилизаций ушли на фронт 17413 человек. На фронтах Великой Отечественной войны находилось более 20000 калмыков – солдат и офицеров. Всего подверглись депортации 91919 калмыков (Так это было, 1993:77).

По данным Государственного архива Карагандинской области, в период войны в Казахстане находилось на спецпоселении от 900 тысяч до 1 млн. 209 тысяч человек, а по данным НКВД КазССР на 1 января 1945 года состояло на учете 815319 человек (232593 семей) (не считая корейцев), из них: бывшие кулаки – 135308 ч.; немцы – 243722 ч.; чечено-ингуши – 360405 ч.; кабардино-балкарцы – 20288 ч.; спецпоселенцы из Молдавии и Прибалтики – 8064 ч.; калмыки – 2541 ч.; карачаевцы – 40767 ч.; крымчане – 4224 ч. (Калыбекова, 2008:188).

Прибывшие спецпереселенцы были размещены в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях. Жилищно-бытовые условия спецпереселенцев были тяжелыми, из 45408 семей только 7785 семей имеют собственные дома, построенные при помощи хозорганизации, остальные размещены в домах предприятий. Работающие на предприятиях в основном обеспечивались жильем наравне со всеми рабочими. Норма жилплощади на человека составляет в среднем 2,5-3 кв.метра, семьи, как правило, размещаются в отдельных комнатах и квартирах», – так пишет в своем отчете начальник ОИТК НКВД КазССР капитан Госбезопасности Павлов начальнику ГУЛИАГа НКВД СССР майору Гос Безопасности тов. Завгороднему. Наряду с этим в отдельных пунктах расселения были отмечены факты, когда спецпереселенцы жили по 2-3 семьи в одной квартире и на 1 человека приходилось не больше 2,2 кв. м (спецпоселки – 29, 30 Карагандинской области). Нужно сказать, что весь жилфонд спецпоселков г. Караганды были построен в 1931 году из самана и дерна, эти дома уже «пришли в ветхость и требовался капитальный ремонт». В трудпоселках г. Караганды трудпоселенцы жили в домах, принадлежащих тресту «Карагандауголь». Нужно сказать, что весь жилфонд трудпоселков г. Караганды, построенный в 1931 году из самана и дерна, в подавляющем большинстве требовал капитального и среднего ремонта (Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры РК, 9).

К нечеловеческому и недоброжелательному отношению руководителей районов и предприятий свидетельствует такой факт, что в конце сентября 1944 на строительный участок № 5 Сталинско-Магнитогорской магистрали было переброшено из Кокчетауской области 1618 человек спецпереселенцев, а жилплощади для их размещения совершенно не было (ГАКО, 133).

Что касается вопроса продовольственного и промтоварного снабжения, то все спецпереселенцы снабжались по месту работы на общих основаниях с нетрудпоселенцами имеющейся сетью торговых точек. Если в начале норма хлеба на одного человека составляла 1 кг, то с 1944 года хлеб выдавался 0,5 кг на каждого человека. При реализации хлеба спецпереселенцам в отдельных районах отдельными хозяйственниками допускались нарушения, расходовали хлеб не по назначению, а также реализовывали за плату в Тельманском, Ворошиловском, Шетском районах. Были случаи, когда норма хлеба достигала 100 гр. на человека. В середине 1944 года было получено 443 т. муки, 217 т. крупы, которые были розданы «спецпереселенцам по 150 грамм ежедневно. Однако мы имеем большую задолженность спецпереселенцам,

которые расселены в городской местности и рабочих поселках в количестве 18139 человек и рассчитаться с ними не имеем возможности, вследствие того, что при получении этого хлеба последний был распределен и направлен в районы вселения спецконтингента. При поступлении спецпереселенцев на местах из этого фонда выдавалось 0,5 кг хлеба на каждого человека, для этой цели других фондов не было, в результате хлеб был израсходован для этих же спецпереселенцев только не по 100 гр., а по 500 гр. в день на человека. Такое же положение сложилось и с крупой (ГАКО, 843).

Аналогичное положение сложилось со снабжением промтоваров. Например, возьмем использование фонда шерсти, где для изготовления валенок для спецпереселенцев по Карагандинской области был получен наряд на шерсть в количестве 182 ц., из которой 50% осенней и 50% весенней шерсти было передано промпредприятиям в переработку для изготовления валенок. Но на 1 января 1945 года было изготовлено всего лишь 36,4 %. А что касается использование фондов хлопчатки, то фактическое наличие хлопчатки было намного ниже, чем занаряжено. Но из-за халатного отношения зав.базой Облпотребсоюза часть хлопчатки сгорела в пожаре, в результате получено для реализации 76018 метров. Согласно решению Обкома партии из общего числа было отпущено 5000 метров детдомам, 800 метров гостинице и специалистам Облзо – 100 метров. В результате реализовано для спецпереселенцев 70118 метра.

Не только спецпереселенцы, но и все население республики испытывало тогда острую нужду в продовольствии и товарах. Переселение людей потребовало огромных расходов со стороны государства, изнуренного тяжелой войной. Поэтому одновременное размещение такого большого количества людей затруднило снабжение республики, и без того испытывавшей кризис промтоварных и продовольственных ресурсов.

Нужно отметить, что существовали кроме того и большие перебои со снабжением промартелей с топливом, угля вообще не было, особенно в северных областях. Также не обеспечивались промартели водой.

В плачевном состоянии находилось медико-санитарное обслуживание. Вот что пишет об этом заместитель НКВД КазССР товарищ Богданов к начальнику отдела труда и спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР товарищу Жилову «Спецпереселенцы обслуживались общегражданской сетью больниц и медпунктов, которые потребность населения в основном удовлетворяют. Вследствие вселения в спецпоселки эвакуированных спецпереселенцев из прифронтовых полос, недостаточно проведенной среди них санобработки, а также недостаточного удаления внимания санитарно-профилактическим мероприятиям со стороны местных органов здравоохранения за отчетный период отмечено ряд случаев эпидемических заболеваний» (Архив Комитета по правовой статистике, 9:61]. Приведем следующие факты:

– В Акмолинской области в спецпоселках № 3, 29, 31 были 7 случаи заболевания брюшным и сыпным тифом, из которых один случай со смертельным исходом, в поселке № 27 зарегистрировано 4 случая заболевания сыпным тифом, в поселке № 32 из 6 человек, заболевших сыпным тифом, 2 человека умерло, в поселке № 10 из 10 человек, заболевших сыпным тифом, умер 1 человек, в поселке № 12 – 5 случаев заболевания брюшным тифом, в поселке № 4 – 10 случаев заболевания цингой. Также после вселения эвакуированных немцев в поселок № 3 было 13 случаев заболевания детей корью, в поселке № 14 таких случаев было 4, из них 2 случая смертности.

Одной из причин, послужившей вспышке заболевания брюшным тифом,

явилось то, что имеющиеся в поселках колодцы были загрязнены, и в них образовалась недоброкачественная вода.

Эпидемия сыпного тифа вспыхнула потому, что среди населения указанных поселков недоброкачественно была проведена санобработка, плохо работали бани.

В трудпоселках совхоза № 2 НКВД Алма-Атинской области было 2 случая заболевания брюшным тифом.

В Северо-Казахстанской области, после вселения немцев, эвакуированных из Ворошиловградской области и Николаевской области УССР, часть которых была выселена в трудпоселки, в поселке «Озерном» был отмечен один случай заболевания брюшным тифом и 3 случая сыпного тифа, а также 16 случаев кори. В поселках Черниговка, Константиновка и Красная Поляна имелись случаи заболевания брюшным тифом, дизентерией и скарлатиной.

В Южно-Казахстанской области в совхозе «Пахта-Арал» (комендатура № 14) в летнее время, вследствие загрязненности территории совхоза, вспыхнули кишечно-желудочные инфекционные заболевания (брюшной тиф и дизентерия) и не прекращались до конца года. Из 24 человек умер 50% приходится на инфекционные заболевания.

О положении с эпидемической ситуацией в совхозе «Пахта-Арал» не раз докладывалось Южно-Казахстанскому облздравотделу и обкому КП (б) Казахстана.

В отдельных пунктах расселения спецпереселенцев имелись случаи эпидемических заболеваний, в поселке № 7 Акмолинской райкомендатуры зарегистрировано 4 случая заболевания сыпным тифом – 2 человека умерло; в поселке № 12 – 5 случаев заболевания брюшным тифом, из них 2 умерло; в поселке № 14 – 10 случаев заболевания цингой.

Итак, одним из недостатков в этой работе следует считать перебои в снабжении местных лечебных учреждений медикаментами, также эпидемиологическая ситуация в республике сложилась неблагоприятно. После принятия надлежащих мер, борьбы с распространением «этих инфекционных заболеваний через райздравотделы и проведенной санобработки населения, последние были частично ликвидированы». Открытые осенью 1942 года эвакупункты (дезкамеры, бани, санпропускники), несмотря на запоздалые меры и слабую оснащенность, сыграли свою роль в предупреждении распространения острозаразных заболеваний среди спецпереселенцев и местного населения.

Нужно отметить, что эпидемиологическая ситуация в республике значительно ухудшилась в начале 1944 года в связи с большим количеством депортации с Северного Кавказа, Крыма, Грузии. С весны 1944 года в Карагандинской и других северных областях заболеваемость сыпным тифом, корью и дистрофией приняла массовый характер. По состоянию на 1 января 1945 года умерло 1727 человек, в том числе мужчин - 511, женщин - 426 и детей 790 из 33316 человек. Смертность детей чаще всего наблюдалась при болезни дифтерией, корью; взрослого населения: вследствие старости, тифа, инфекционных заболеваний. Несомненно, одной из причин было недоедание.

Все трудности, которые испытывали взрослые, ощущали на себе и дети спецпереселенцев. Из-за недоедания, отсутствия одежды, обуви многие дети не могли посещать школы. Об этом свидетельствуют архивные материалы Комитета по правовой статистике и спецучетам. Например, в отчетном докладе НКВД КазССР в отдел труда и спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР говорится, что «дети школьного возраста охватываются учебой, школьной

сеть Наркомпроса наравне со всем населением. Но из 4350 детей, охвачены были учебой только 1595, а остальные не посещали школы из-за отсутствия одежды и обуви (ГАКО, 843:103).

Что касается вопроса политико-морального состояния, то в основном контингент трудпоселенцев в своей массе к мероприятиям, проводимым партией и правительством, относился лояльно. Это подтверждается фактами наличия стахановцев и ударников, участвующих в соцсоревнованиях, их участием в оказании материальной помощи фронту, участием в госзаймах и других мероприятиях.

Представители депортированных народов с самого начала их выселения были морально и социально ущемлены, лишены элементарных прав. Не обеспечивалось право сохранности личного имущества и собственности спецпереселенцев, хотя это и предусматривалось государственными документами: сдача специальным комиссиям принадлежавших спецпереселенцам сельскохозяйственного инвентаря, скота, зернофуража с последующим возмещением их на месте расселения.

Положение спецпереселенцев характеризовалось унижительными процедурами регистрации, перерегистрации и отметок в местных комендатурах, органах НКВД. Контролировался каждый шаг спецпереселенца, любое незначительное нарушение немедленно пресекалось.

8 января 1945 года вышло Постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев», где спецпереселенцы формально определялись как полноправные граждане. Как разъясняет начальник ГУЛАГа МВД СССР генерал-лейтенант Наседкин, «лица, переведенные на положение спецпереселенцев, пользуются всеми правами вольнонаемных, как в отношении размера оплаты труда, обеспечения жилищно-коммунального питания, торговли и культурно-бытовых учреждений, исключая право выезда за пределы района поселения, в т.ч. при использовании очередного отпуска» (Архив Карлаг, 20). Однако это обнадеживающее разъяснение сводится на нет, как только начинается перечисление всех ограничений в гражданских правах спецпереселенцев начиная с передвижения. Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Начальником ИТЛ/УИТЛК предоставляется право в отдельных уважительных случаях разрешать спецпереселенцам временный выезд с места поселения для свидания с семьей. Выезд главы семьи, оставленного на поселении при лагере для постоянного жительства, к месту проживания семьи, находящейся на спецпоселении в другом районе, может быть разрешен по особому ходатайству начальника ИТЛ перед министром внутренних дел республики, начальником УМВД края и области; в противном случае самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Спецпереселенцы были обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения и подчиняться всем указаниям и распоряжениям спецкомендатуры НКВД. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа или ареста. Все уголовные деяния спецпереселенцев были подсудны лагерным судам, в т.ч. и побегу. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», за самовольный выезд (побег)

из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежали уголовной ответственности в виде 20 лет каторжных работ. Дела о побегах рассматривались на Особом совещании при МВД СССР – неконституционным административно-управленческим органом, слепо выполнявшим волю правящей верхушки тоталитарного режима. Суровая кара (лишение свободы на срок до 5 лет) ожидала лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего жительства, и лиц, оказывавших помощь в устройстве их в местах прежнего жительства. Также привлекались к ответственности работники, допустившие побеги (Архив Карлага, 391).

Нужно отметить и то, что спецпереселенцы избирательными правами пользовались на общих со всем населением основаниях. Но ввиду того, что спецпереселенцы согласно положению не могли иметь на руках документов, удостоверяющих их личность, существовало указание и подтверждение НКВД СССР о том, что документом при явке спецпереселенца на голосование могут служить трудовые книжки, которые выдавались на один день. Спецпереселенцам, не занятым на работе (неработающие члены семьи – иждивенцы), комендатуры трудпоселков должны были выдавать специальные бланки.

Нормы оперативного и административного обслуживания спецпереселенцев, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством предусматривались «Положением о спецкомендатурах НКВД», утвержденным Постановлением СНК СССР № 34-14с от 8 января 1945 года и объявленным приказом НКВД СССР № 04 1945 года.

Вся оперативная работа среди спецпереселенцев возлагалась на оперуполномоченных (при спецкомендатурах), которые подчинялись начальникам оперативно-чекистских отделов. На комендантов спецкомендатур возлагались административно-хозяйственные функции и общее руководство комендатурами.

Для повседневного руководства деятельностью спецкомендатур при ОУРЗе УИТЛ/УИТЛК за счет имеющегося некомплекта временно создавались группы из 2-3 человек старших инспекторов.

Общее руководство работой комендатур по спецпереселенцам возлагалось на заместителя начальника управления по лагерю.

Первичный учет спецпереселенцев в соответствии с директивой МВД СССР № 68 от 24 марта 1946 года и директивами ГУЛАГа и ОСП МВД СССР № 9/61020-38/2918 от 8 апреля 1946 года возлагался на спецкомендатуры, которые в свою очередь отчитывались о наличии и движении спецпереселенцев перед ОУРЗом лагеря.

Ведение персонального учета спецпереселенцев, хранение личных дел возлагалось на комендатуры, а количественный учет и отчетность перед ГУЛАГом - на ОУРЗ лагеря. Несмотря на унижение, депортированные народы были полны патриотизма в тяжелое для страны время. Испытывая на себе недоверие властей, ограничения в гражданских правах, они полностью разделили горе и трудности всего советского народа. Спецпереселенцы принимали активное участие в трудовом процессе во всех сферах. Их обустройство в республике шло с одновременным привлечением в производственную сферу и одновременно с мобилизацией в трудовую армию. Работали не только трудоспособные, но и подростки, старики, инвалиды, потому что труд стал основой выживания и адаптации к условиям депортации.

Выселенные с родных мест депортированные народы работали не только в колхозах, но и на промышленных предприятиях, в шахтах, рудниках, в строительстве. Они осваивали новые виды трудовой деятельности ранее для них непривычные: работа в рудниках, шахтах, выращивание хлопка, табака, свеклы и т.д. и за короткое время овладели навыками труда. Добросовестный труд стал для спецпереселенцев единственным способом вживания в принимающую среду, стимулом к ударному труду явилось соцсоревнование. Выполнение «нормы выработки» для них было способом самосохранения. Проявляя стойкость и героизм на трудовом фронте, они внесли большой вклад в общенародную Победу, что в истории Великой Отечественной войны значило не меньше, чем героизм на фронте военном.

В годы Великой Отечественной войны на территории Казахстана имелись 31 Наркомата и одна советская организация и учреждение, куда входили райсоветы, сельсоветы, нарсуды и редакции газет. В Наркоматах было всего 58 трудпоселков, где проживало 145329 спецпереселенцев, из них 27820 муж., жен. – 28398 и подростков – 4075. Использовался труд 60293 ч. спецпереселенцев, в том числе – подростков от 14 до 16 лет (Архив Комитета по правовой статистике и спецучтам Генеральной Прокуратуры РК, 13:81). Помимо этих Наркоматов в конце 1943 года сюда прибыли и предприятия оборонного строительства, куда входили Тагиллаг, Алтайлаг, Каруголь, Кузбассуголь, Богословлаг, Главнефть станции Бокань и промышленные оборонные организации, где было задействовано еще 1567 человек.

В общей сложности трудились по Наркоматам всего 76060 человек спецпереселенцев, которые наравне со всеми рабочими предприятий также принимали равное участие в трудовом подъеме народных масс, о чем свидетельствуют их производственные нормы выработки.

В годы Великой Отечественной войны немаловажное значение имела подготовка квалифицированных рабочих для промышленности и транспорта. Государственные трудовые резервы с первых дней войны были одной из форм пополнения рабочего класса – в этой системе осуществлялась широкая подготовка квалифицированных кадров для ведущих отраслей промышленности, транспорта и строительства. Мобилизация молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища проводилась так же, как и мобилизация в трудовую армию, на основе правительственных документов. В школы ФЗО призывалась молодежь (муж. пола в возрасте 15-17 лет и жен. пола в возрасте 16-18 лет), а в ремесленные и железнодорожные училища (муж. пола 14–15 лет и жен. пола 15–16 лет) (ЦГА РК, 28:39).

Народы Казахстана, как и страны в целом, понесли большие потери в результате политических репрессий. Деформация национальной политики, переплетение с негативными политико-экономическими и национально-этническими факторами способствовали созданию социальной напряженности в республике. Причинами роста социальной напряженности были наличие законодательных актов, вызывавших острое недовольство со стороны депортированных народов, ухудшение снабжения населения продовольственными товарами и др. Спецпереселение в 1930-60-е гг. по замыслу советского руководства было направлено на их перевоспитание, в первую очередь через труд, а также политико-воспитательную работу.

Жизнь в новых социополитических и социэкономических условиях показала, что те, кто был открыт новому, быстро перенимали опыт других, любознательные и обладающими лидерскими качествами оказывались более успешными. С другой стороны, сложность пребывания и выживания

в экстремальных условиях спецпоселений консервировала коллективистские, этнические факторы солидарности представителей традиционного этноса.

26 апреля 1991 года был принят Закон РСФСР о реабилитации репрессированных народов. В нем говорится, что в годы Советской власти подвергались репрессиям народы, в отношении которых «по признакам национальной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся насильственным переселением, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения. Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являясь противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Этим Законом, как говорится в его преамбуле, восстанавливалась историческая справедливость, провозглашалась отмена всех актов союзных, республиканских, местных органов и должностных лиц, принятых в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих права; они признавались неконституционными и утратившими силу. Закон признает полную реабилитацию этих народов: территориальную, обеспечивающую согласно их волеизъявлению возвращение в места традиционного проживания; политическую – право на свободное национальное развитие, обеспечение равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод; социальную – возмещение социального ущерба, нанесенного им в результате репрессий; культурную – осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей.

Так, было признано, что в отношении репрессированных народов на государственном уровне применялась «политика произвола и беззакония, геноцида и клеветы». Национальные автономии народов, подвергшихся насильственному выселению, были упразднены и изданы соответствующие Указы Президиума Верховного Совета ССР. Политические права депортированных народов были урезаны, их поступательному развитию был нанесен существенный, а в некоторых сферах невосполнимый урон. Самое же главное и основное было то, что их развитие в рамках национально-территориальной государственности было прервано.

В результате выселения народов огромные площади земель пришли в запустение, был нанесен сильнейший удар по традициям животноводства и земледелия, традиционным ремеслам депортированных народов. Местным властям в течение долгого времени не удалось наладить нормальную хозяйственную жизнь в регионе, откуда были подвергнуты насильственному выселению народы.

Заключение. Таким образом, массовые выселения были показателем правовой незащищенности людей, произвола административно-командной системы и культа личности Сталина. Грубейшие нарушения национальной политики выразились в насильственном переселении целых народов, в упразднении ряда национально-государственных автономных образований (Калмыцкой, Крымской автономных республик, Карачаево-Черкесской автономной области).

Советское правительство вело направленную политику разрушения социо- и этнокультурных основ высланных народов, что наряду с нарушением родовых связей, дисперсным расселением по огромной территории и затрудненными связями должно было рано или поздно поставить их

перед фактом ослабления этнического единства, связанного с опасностью последующего исчезновения. Это обстоятельство позволяет квалифицировать действия советского государства в отношении репрессированных народов как дискриминацию по этническому признаку. Объективные обстоятельства жизни в ссылке создали для депортированных народов необходимый набор побудительных мотивов социализации в местах поселения. Поэтому депортацию и пребывание на спецпоселении можно рассматривать как составную часть системы директивно-принудительных действий партийно-государственного руководства страной, направленных на формирование консолидированной социокультурной общности надэтнического характера.

Литература

Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана XX века. Алматы, 1997. 360 с.

Алдажуманов К.С. и Алдажуманов Е.К. Депортация народов – преступление тоталитарного режима. Алма-Ата: Фонд «XXI век», 1997. 16 с.

Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры РК, Ф.16. Оп.1. Д. 9.

Архив Карлага, Карагандинский ИТЛ, Спецотдел СССР. Д.20

Архив Карлага, Карагандинский ИТЛ, Спецотдел СССР. Д.391

М.Х. Асылбеков и Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.). Алма-Ата, 1991. 185 с.

Бадмаева Е.Н. Повседневная жизнь и политические настроения крестьянства Калмыкии в 1920-е годы // Новый исторический вестник. 2018, №3 (57). С.78-99. (На базах данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и данных European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS).

Баймаханов М.Т. Депортация народов и права человека: политико-правовые проблемы // Материалы семинара. Алматы, 12 июня 1997. С.20-27.
Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы: Гылым. 1995. 208 с.

Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-40 годах // История СССР. 1986, № 6; Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории, 1990, № 7; Л.Берия – И.Сталину: Согласно Вашему указанию... М., 1995.

ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.133.

ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.843.

ГАКО. Ф.23. Оп.1. Д.843.

Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950 гг. // Отечественные архивы. 1993, № 1; Спецпоселенцы (1930-1959 гг.) // Население России в 1920-1959 гг.: численность, потери, миграции. Сб. М., 1994. С.156.

Калыбекова М.Ч. История депортированных народов Казахстана (1937-1956 гг.) // Алматы, ТОО «Издательство ЖЕМ». 2008. 188с.

Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-политический журнал (ВИЖ). М. 1990. № 8. С. 32.

Козыбаев М.К. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата: Рауан, 1990. 135 с.

Некрич А. Наказанные народы // Нева. 1993. № 10. С.225.

Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 гг. Т.2. М., 1993.

Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. Караганда, 1997. -175 с.

References:

- Abylhozhin J.B. Ocherki socialno-economiccheskoy istorii Kazakhstana 20 veka. Almaty, 1997. 360s. [in Russian].
- Aldzhaumanov K.S. i Aldazhumanov E.K. Deportaciya narodov – prespuplenie totalitarnogo rezhima. Alma-Ata: Fond «XXI vek», 1997. 16s. [in Russian].
- Asylbekov M.H. I Galiyev A.B. Socialno-demograficheskie processy v Kazakhstane (1917-1980 гг.). Alma-Ata, 1991. 185s. [in Russian].
- Arhiv Upravleniya Komitata po pravovoi statistike i spetschetam po Karagandinskoi oblasti . F.16, Op.1, D.9. [In Russian].
- Arhiv Karlaga, Karagandinskii ITL, Spetscotdel SSSR. D.20. [in Russian].
- Arhiv Karlaga, Karagandinskii ITL, Spetscotdel SSSR. D.391. [in Russian].
- Badmaeva E.N. Everyday Life and the Political Mood of the Peasantry of Kalmykia in the 1920s.// Noviy Istoricheskiy vestnik. 2018, №3 (57). S.78-99 (Nabazahdannih Russian Science Citation Index na platforme Web of Science I European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS). [in Russian].
- Baymahanov M.T. Deportaciya narodov I prava cheloveka: politico-pravovie problem // Materiali seminar. Almaty, 12 iyunya 1997. S.20-27. [in Russian].
- Bugai N. F. K voprosu o deportacii narodov SSSR v 30-40- godah // Istoriya SSSR. 1986, № 6; Pravda o deportacii chechenskogo i ingushskogo narodov // Voprosi istorii, 1990, № 7; L. Beriya – I. Stalinu: Soglasno Vashemy ukazaniyu...M., 1995. [in Russian].
- GAKO. F.1. Op.1. D.133. [in Russian].
- GAKO. F.18. Op.1. D.843. [in Russian].
- GAKO. F.23. Op.1, D.843. [in Russian].
- Kalybekova M.CH. Istoria deporotirovannih narodov Kazakhstana (1937-1956 gg.) // Almaty. TOO «Izdatelstvo JEM». 2008. 188s. [in Russian].
- Kan G.V. IstoriacoreitcevKazakhstana. -Almaty: Gilim. 1995. 208s.
- Kichikhin A.N. Sovetskienemtcy: otkuda, kuda i pochemu? // Voennopoliticheskii zhurnal (VIZH). M. -1990. № 8. S.32. [in Russian].
- Kozibayev M.K. Istoriografia Kazakhstana: uroki istorii. Alma-Ata: Rauan, 1990.135s.
- Nekrich A. Nakazannie narodi // Neva. 1993. № 10. S.225. [in Russian].
- Shaymuhanov D.A., Shaymuhanova S.D. Karlag. Karaganda, 1997. 175 c.; Abilhozhin J.B. Ocherki socialno-economiccheskoy istorii Kazakhstana XX veka. Almaty, 1997. 360s.
- Tak eto bilo.Nacionalnie repressii v SSSR 1919-1952 gg. T.2. Moskva, 1993. 77 s.
- TCGA RK. F.1109. Op.2. D.28. [in Russian].
- Zemskov V. N. Prinuditelnie migracii iz Pribaltiki v 1940-1950 yy. // Otechestvennie arhivi. 1993, № 1; Specposelenci (1930-1959 гг.) // Naselenie Rossii v 1920-1959 gg.; chislennost, poteri, migracii. Sb. Moskva, 1994. S.156. [in Russian].

Мазмұны
Содержание
Contents

ҚҰҒЫН-СҮРГІН ТАРИХЫ
ИСТОРИЯ РЕПРЕССИИ
REPRESSION HISTORY

Калыбекова М., Кудайбергенова А.И., Ильясова З. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ РАЗРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 30-60-Е ГОДЫ XX ВЕКА.....	152
Жанбосинова А., Казбекова А., Жириндинова К., Жандыбаева С. ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ И АДАПТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1920-1950-е годы.....	168
Камалджанова Т.А. ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ (1937-1954 ГГ.).....	184

ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY

Мерц И.В., Антонов М.А. ГРОТ ЕНБЕК С НАСКАЛЬНЫМИ РОСПИСЯМИ В ОКРЕСТНОСТЯХ г. ТАЛДЫКОРГАНА.....	200
--	-----